

ЛИМОНОВА А. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛИМОНОВА Анна Ивановна. В марте 1935 — выслана с мужем и детьми в Куйбышев на 5 лет.

В апреле 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<19 апреля 1936>

«Тов<арищ> Пешковой Ек. П.

от гр<аждан>ки Лимоновой Анны Ивановны,
пр<оживающей> в г<ороде> Куйбышев,
Железнодорожный поселок,
Тверская ул<ица>, д<ом> 46, кв. 1.

Заявление

Тов<арищ> Пешкова, убедительно прошу вас разобрать мое заявление. Я высленка из г<орода> Ленинграда из-за мужа, мой муж быв<ший> белый офицер, хотя он сын крестьянина, родился в г<ороде> Ленинграде в Инженерном замке. Его родители служили в Инженерном в замке, отец был сторожем, а мать прачкой, стирала на юнкеров, и потому выхлопотали, чтобы взяли сыновей в школу прапорщиков, за родительскую добросовестную работу не посмотрели, что бедные крестьяне, их приняли, и муж прослужил в Красной армии около 4-х лет. Но мы все равно попали в полосу выселения, теперь мы живем в г<ороде> Куйбышеве, муж мой работает конструктором на станкозаводе. Но горе у нас, нет угла, которое самое необходимое для человека — это иметь свой угол. Я имею 2-х детей, дочери 8 лет, ходит в школу, и дочурке 7 месяцев. Живем по указанно<му> выше адресу, имеем конурку 6-ти метров без дверей, мрачная, сырая, холодная, под кроватью мерзнет вода. Хозяйка говорит — это еще хорошо, мол, нынче картофель в избе не мерзнет, температура тепла 7-8 градусов. Ребята мои мерзнут и все время болеют, 8-ми летней приходится много пропускать школу, ввиду ее болезни, и моя крошка по сего времени болеет, бронхит и грипп, теперь наступает весна, много есть свободных комнат у частных, но горе наше, нас никто не пускает с детьми, несмотря <на то>, что берут за комнату 50-60 р<ублей> за месяц и 4 метра дров. И как дойдет слово до детей, так сразу же отказывают и разговаривать не хотят. Я, мать своих детей, вся решительно измучилась, мне тяжело смотреть <на то>, что я не могу дать им самого необходимого теплого уголка, чтобы могла дочь сесть и сделать свои уроки, а маленькую крошку купаю через 2-3 месяца, ввиду холода и ее болезни. Я вышла из больницы <с> 7-ми месячной дочкой 27 февраля 1936 г<ода>, и сейчас все продолжает болеть. Мне приходится скитаться то у одних 4-5 дней из-за тепла, то у других и в это время стараюсь лечить, что доктор прописывает.

Дорогая тов<арищ> Пешкова, я часто посещаю консультацию, мне не хочется, чтобы моя крошка погибла из-за родительской нужды, не имея угла. Придем в консультацию и, верите, не хочется уходить, потому что тепло, светло и чисто, а я мать, придя в консультацию, расстраиваюсь и плачу, что не могу дать уюта своим детям. Я стараюсь нарочно долго пробыть с маленькой крошкой и, верите, тов<арищ> Пешкова, моя семимесячная сразу оживает, начинает играть ручонками, ножонками на столике, где предоставлено пеленать матери ребенка. И что обидно, имеем членский билет Жакта, члены Жакта с 25 года, пай уплачен полностью, и между прочем, приходится мучиться из-за угла в таком горе и нужде. И моя школьница-дочка старается успокоить меня: "Мамочка, ты не

расстраивайся, уже год прожили, осталось 4 года, тогда поедем домой, ведь нас пустят обратно в Ленинград". За ее нежный взгляд, за умные речи и между прочим не знаю, что еще сказать, только слезы так невольно и льют. Она мне советует: "Мамочка ты напиши, если мы подадим заявление о возвращение в Ленинград, можно нам надеется". Но я конечно и думать боюсь, чтобы такое счастье могло случиться, мы только будем просить тов<арница> Пешкову, чтобы она нам посодействовала о предоставлении комнатки в Жакте. Мы имеем имущество: кровать, сундучок, два стула, и ноч<ь> делим все четверо на одной кровати односпальной, даже стола нет, не имеем, некуда ставить, на кровати спим, обедаем, и дочка уроки делает, и все это на кровати. Пришлось эти вещи купить, заложила <в> ломбард и на эти деньги приобрели вещи. Мы и в Ленинграде жили очень скромно, имели 12-ти метровую комнатку, и по выезду из Ленинграда в г<ород> Куйбышев нам НКВД помог, дал бесплатный литер на проезд.

Дорогая тов<арниц> Пешкова, и эту несчастную конурку, в которой мы живем, мне пришлось туго-натуго затягивать живот, чтобы не узнали, что я беременна, а то как посмотрят на меня, так сразу отказывали, и приходилось на улице ночевать, а теперь опять горе с маленькой, никто не хочет пускать. И так прошу, не оставь мое заявление без последствия, почему-то надеюсь, тов<арниц> Пешкова, что вы войдете в мое положение, в наше такое горе, что мои дети в таких кошмарных условиях, и что в скором времени мои крошки будут иметь комнатку. И они больше не услышать, не так прошла, не так закрыла, выговоры от частников. Я была в управлении жилищном, и мне отказали: "Мы только даем и прикрепляем мобилизованных". А моих слов и слушать не хотели. И так надеюсь от нашей дорогой тов<арница> Пешковой хорошей весточки.

Мать А. Лимонова.

Простите за ошибки, я самаучка»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1486. С. 127-129. Автограф.